

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2003 г.

ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ
О ПЬЯНСТВЕ
Φίλωνος Ἀλεξανδρέως
Περὶ μέθης

Вступительная статья, перевод с греческого и комментарии
Д.Е. Афиногенова

Трактат знаменитого иудейско-эллинистического философа Филона Александрийского в оригинале озаглавлен таким образом, что перевод «Об опьянении» на первый взгляд кажется предпочтительным. И в самом деле, предметм экзегезы здесь выступает знаменитое опьянение Ноя (Быт. 9:21 сл.). Тем не менее, в дальнейшем Филон, применяя свой обычный аллегорический метод (и, несомненно, пользуясь двойственностью значений греческого слова μέθη), говорит уже не об опьянении как о сиюминутном состоянии, но о пьянстве как о некоем устойчивом пороке, который, в свою очередь, служит у него скорее метафорой для описания злоключений души, не познавшей истинного логоса. Это небольшое произведение, русский перевод которого публикуется, насколько нам известно, впервые, представляет особый интерес главным образом с двух точек зрения. Для историков философии и богословов чрезвычайно важны те достаточно пространные рассуждения Филона (гл. 167–202), где он обосновывает необходимость веры в Бога недостоверностью той информации, которую человек может получить с помощью чувственного восприятия. В частности, александрийский философ использует восемь из десяти так называемых «тропов» Энесидема (I в. до н.э.?) (Diog. Laert. IX. 79–88), заложивших основу позднего скептицизма. Впоследствии, как известно, христианские богословы будут охотно прибегать к доводам скептиков, чтобы доказать несостоятельность языческой философии. Кроме того, хотя Филон редко снисходит до прямого обличения бытовых пороков, он приводит довольно много конкретных сведений о том, что, как, из чего и с кем пили его современники-александрийцы. К примеру, перечисление разновидностей сосудов в гл. 221 или сортов вина в гл. 218 имеет несомненную историческую ценность.

Сравнение линий рассуждения, намеченных в вводной части, с самим текстом трактата наводит на мысль, что он остался незаконченным. Это подтверждается и заголовком, имеющимся в рукописях, где фигурируют слова «книга первая», в то

время как никаких других книг не обнаруживается. Вполне завершенной можно считать лишь тему «болтливости и безрассудства», которой посвящены гл. 11–153, тогда как «радость» и «нагота» вообще остались без рассмотрения. Однако и в таком виде трактат «О пьянстве» – один из самых динамичных и даже, если так можно выразиться, увлекательных трактатов Филона.

Перевод выполнен по изданию: *Les œuvres de Philon d'Alexandrie. 11–12: De ebrietate; De sobrietate* / ed. J. Gorez, P., 1962. в основном. Библейские цитаты даны в синодальном переводе, однако поскольку текст, которым пользовался Филон, существенно отличался от оригинала этого перевода, возможны значительные расхождения с русской Библией.

О пьянстве книга первая¹

(1) То, что о пьянстве говорили другие философы, мы, насколько возможно, изложили в предыдущей книге, а теперь посмотрим, что думает о нем великий и мудрый во всем законодатель. (2) Ибо во многих местах своих законоположений он упоминает вино и порождающее вино растение, виноград, – и одним позволяет пить, а другим не разрешает, и иногда одним и тем же предписывает противоположные вещи, употреблять и не употреблять вино. Таковы, например, давшие великий обет (Числ. 6:2–3) и служащие левиты, которым запрещено употреблять вино (Лев. 10:9), – а пьющих вино множество среди тех, кем он особо восхищается за добродетель. (3) Но прежде чем начать говорить об этих вещах, нужно уточнить то, что будет служить их обоснованием. А это, я полагаю, вот что. (4) Моисей считает вино символом не чего-то одного, а многого: болтливости и безрассудства, полного нечувствия, неутолимой ненасытности и неудовлетворимого вожделения, и всеобъемлющей радости, и проявляющейся во всем перечисленном наготы, в которой, как сказано, пребывал опьяневший Ной.

Итак, сказано, что все это делает вино.

(5) Но множество людей, и не пробовавших вина, полагая, будто трезвы, впадают в такие же состояния, и можно видеть, как одни из них безумствуют и несут вздор, другие охвачены совершенным нечувствием, иные же никогда не насыщаются, но вечно жаждут недостижимого из-за отсутствия знания, иные ликуют и радуются, а некоторые поистине обнажаются.

(6) Итак, причина болтливости – предосудительная невоспитанность (*ἀλαδευσία*) (я имею в виду не неимение образования, а отчуждение от него); нечувствия же – злоумышленное и увечное незнание, ненасытности – вожделение, самая тяжкая страсть души, а радости – приобретение добродетели и пользование ею. Причин же наготы много – незнание противоположностей, незлобие и простодушие нрава, истина как сила, совлекающая покрывало с потаенных вещей и обнажающая попеременно то добродетель, то порок. (7) Ибо одновременно их нельзя ни снять, ни надеть, но, сбросив одно, обязательно берешь и облачаешься во второе. (8) Ибо как наслаждение и боль, по природе противоположные, Бог, по древнему речению, поместил на одной вершине и сделал так, чтобы обе они ощущались не одновременно, но перемежающимися промежутками, постановив, что когда одна изгоняется, то ее противоположность возвращается, – вот так от одного корня главенствующего начала произросли два побега, не цветущие и не плодоносящие одновременно, (9) потому что когда один теряет листья и чахнет, противоположный начинает подниматься и облекаться кроной, так что представляется, будто каждый из них увядает, негодую на благополучие другого. По этой причине выход Иакова весьма естественно предстает как вход Исава. Сказано ведь: «*Как только вышел Иаков... Исава, брат его, пришел*» (Быт. 27:30). (10) Ибо пока в душе пребывает и обретается разу-

¹ Таково заглавие в тексте, хотя в дошедшем до нас виде трактат на книги не делится.

мение (φρόνησις), всякий сотоварищ неразумия стрелами прогоняется прочь, – а когда разумение уходит, тот радостно возвращается, поскольку его враг и недоброжелатель, из-за которого он был изгнан и отвержен, уже не живет в том же месте.

(11) Итак, в качестве вступления к сочинению было сказано достаточно, а доказательства каждого положения мы представим дальше, начав первое разъяснение с самого первого.

Мы, стало быть, сказали, что невоспитанность есть причина болтливости и греха, как для множества неразумных – вино. (12) Ибо невоспитанность есть, по правде говоря, среди прегрешений души изначальное зло. От нее истекают житейские дела, словно из источника, который вовсе никогда и ни для кого не изливает питьевую и целебную воду, но соленую, причиняющую пьющим болезни и тление. (13) Посему законодатель жесток к неотесанным и невоспитанным (ἀνάγυρον καὶ ἀλαίθευτον) так, как, наверное, ни к кому другому. И вот свидетельство: кто суть союзники скорее по природе, нежели по привычке, и у людей, и у других видов живых существ? Но даже сумасшедший не назовет кого-то иного помимо родителей, ибо сотворившее всегда естественно и без научения заботится о сотворенном и всегда печется о его спасении и пребывании. (14) И вот по природе являющихся союзниками он постарался перевести в разряд врагов. Тех, кто должен был бы защищать, отца и мать, он выставил обвинителями, чтобы [детей] губили те, кому естественно было бы спасать. Ибо он говорит: *«Если у кого будет сын буйный и непокорный, не повинующийся голосу отца своего и матери, и они наказывали его, но он не слушает их, то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания. И скажут жителям города своего: “Сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница”. И жители города его пусть побьют его камнями, и истреби зло из среды себя»* (Втор. 21: 18–21).

(15) Итак, обвинения исчисляются четырьмя: непослушание, буйство (ἑρεθισμός), мотовство (εἰσφορά) и пьянство. Самое же большое – последнее, выросшее из первого непослушания. Ибо душа, начав бунтовать и пройдя через буйство и раздор, приходит к последнему пределу, пьянству, причине исступления и безумия. Но необходимо рассмотреть смысл каждого из обвинений, начав с первого.

(16) Итак, ясно признано, что уступать и повиноваться добродетели хорошо и полезно, так что не слушаться, наоборот, позорно и чрезвычайно невыгодно. Буйство же вмещает всякий преизбыток зла – ведь непослушный не так плох, как буйный, – первый только пренебрегает самими приказаниями, а второй старается сделать наоборот.

(17) Давай же посмотрим, как это происходит. Если, например, закон велит почитать родителей, то не почитающий непослушен, а бесчестящий – буен. И опять-таки, если справедливо защищать родину, то медлящий делать это непослушен, а решившего еще и предать ее следует назвать буйным и задиристым. (18) И если кто-то не делает приятное кому-то, противясь говорящему, что нужно так поступить, то он непослушен. А кто не только не делает приятное, но и вредит, тот, затеяв буйство, согрешает неисцелимо. И не участвующий в священнодействиях и прочем, что относится к благочестию, непослушен предписаниям, которые закон обычно дает о таких вещах, а склонный к обратному, к нечестию – буйствует и вводит безбожие. (19) Таков был говоривший: *«Кто Он, чтобы я послушался Его?»* и еще: *«Не знаю Господа»* (Исх. 5:2). Первыми словами он, стало быть, утверждает, что Божества нет, а последующими, что если и есть, то Оно неведомо. А это предполагает отсутствие промысла (ἐκ τοῦ μὴ προνοεῖν συνάγεται) – ведь если бы был промысел, о Нем бы знали.

(20) Входить в долю и складываться на участие в прекрасном приобретении – разумении – похвально и полезно, а ради худшего из всех порока, неразумия (ἄφροσύνη) – вредно и предосудительно. (21) Посему взносы на лучшее – это влечение к добродетели, ревность о добре, постоянные занятия, упорные упражнения, неустойчивые и неустанные труды, а на противоположное – расслабленность, легко-

мыслие, роскошь, изнеженность, совершенное развращение. (22) Можно, однако, видеть, как и подвизающиеся в винопитии и каждодневно упражняющиеся и состязующиеся в ненасытности чрева вносят долю как будто на что-то выгодное, но терпят убыток во всем, денежный, телесный, душевный. Ибо, внося, они уменьшают свое состояние, телесные же силы подгачивают и истощают, а душу принуждают погружаться на дно, затопляя ее, подобно паводку, неумеренностью пищи. (23) Таким же образом и те, кто устраивает складчину на ниспровержение образования (παίδειᾶς), наносят ущерб самому главному в себе, разуму (διάνοιαν), отсекая его спасительные [свойства], разумение и благоразумие (σοφροσύνη), а также мужество и справедливость. Поэтому, мне кажется, и законодатель воспользовался сложным словом συζυλοκόλον², чтобы отчетливее выявить значение, потому что вносящие покусения на добродетель, словно какие-то взносы и доли, ранят, и раздрают, и рассекают послушные и любознательные души до совершенного уничтожения. (24) Посему о мудром Аврааме сказано, что он вернулся «от сечи Ходоллагоморского и царей, бывших с ним» (Быт. 14:17), а Амалик, наоборот, естественным образом «посек задний полк» (Втор. 25:18) подвижника – ибо противоположности враждебны и вечно замышляют погубить друг друга. (25) Того же, кто доставляет взносы, можно было бы обвинить и в том, что он решил не только поступать несправедливо, но и делать это вместе с другими, требуя, чтобы что-то он вносил сам, а что-то слушал от других, дабы, согрешая и естеством, и научением, не оставить себе никакой доброй надежды на спасение, и это при том, что закон повелевает «не следовать за большинством на зло» (Исх. 23:2). (26) Ибо поистине изобильно и многоплодно в душах людских зло, а добро неприметно и редко. Посему очень полезно увещание водиться не с большинством, у которых несправедливость, но с немногими, у которых праведные дела.

(27) Итак, четвертым и величайшим обвинением было пьянство, не слабое, но весьма крепкое. Ибо слово οἰνοφλυγεῖν равнозначно раздуванию³, и разжиганию, и распалению зелья, причиняющего неразумие, – невоспитанности, – которое никогда не может быть потушено, но всегда запалает и выжигает душу. (28) Посему правильно следует наказание, вычищающее из разума всякий злой образ [мыслей]. Ибо сказано: «Истреби зло» не из города, или страны, или племени, но «из среды себя» (Втор. 21:21) – ибо в нас самих существуют и кроются виновные и предосудительные помыслы (λογισμοί), которые, если они неизлечимы, необходимо отсекают и уничтожают. (29) Посему было справедливо, чтобы непослушный, буйный, приносящий правдоподобие слов, словно некие взносы и доли на ниспровержение добра, и пылающий вином, и пьянствующий против добродетели, и совершающий против нее непристойные бесчинства получил в обвинители тех, кто для остальных помощник, отца и мать, и претерпел полное истребление ради назидания и исправления могущих спастись.

(30) Имена же отца и матери общие, а смысл у них разный. Поэтому мы сразу справедливо назовем сотворившего весь этот мир Создателя также и Отцом возникшего, а знание Творца – матерью, в общении с которой Бог сеял бытие не как человек. Она же, восприняв Божии семена, в плодоносных муках родила единственного и возлюбленного чувственнопостигаемого сына, этот мир. (31) Посему некто из божественного сонма представляет Премудрость говорящей о себе таким образом: «Господь стяжал меня первым из дел Своих, прежде века основал меня» (Прит. 8:22–23), ибо все, что пришло в возникновение, должно было по необходимости быть младше матери и кормилицы всего. (32) Итак, кто же в состоянии вынести обвинение таких родителей? Но даже и умеренную угрозу или легчайшее порицание? Ведь и никто не способен вместить изобильное множество даров, может быть, даже сам мир, но, если в него польется великий поток Божиих дарований, он очень скоро переполнится, словно небольшой пруд, так что потечет и польется через край. Если же мы не мо-

² Буквально «участник пирушек вскладчину». Далее Филон играет на этимологии второй части этого слова, происходящей от κολλῶ – «рассекать, разрубать».

³ Вторая часть этого слова происходит от φλύω или φλύζω – «пузыриться, выкипать».

жем принять благодеяния, то как вынесем обращенные на нас карательные силы? (33) Родителей всего следует оставить за пределами настоящего рассуждения и рассмотреть их последователей и знакомцев, которым выпало заботиться и оберегать те души, которые не неотесаны и не невежественны. Посему мы говорим, что отец – это мужское, совершенное и правое слово (*ὀρθὸς λόγος*), а мать – средний круг общего образования (*τὴν μέσσην καὶ ἐγκύκλιον χορείαν τε καὶ παιδείαν*), которым хорошо и полезно повиноваться, как ребенку – родителям. (34) И вот повеление отца, правого слова, – идти за природой и следовать ей, разыскивая нагую и неприкрытую истину, а образования, матери, – слушаться установленного права, которое учредили по городам, и племенам, и странам те, кто первым предпочел видимость истине. (35) У этих родителей есть четыре разряда детей, один – послушный обоим, другой же – не внимающий ни отцу, ни матери, противоположный первому, а остальные оба половинчатые – ибо один из них, будучи чрезвычайно отцелюбив, слушается отца, а матью и ее внушениями пренебрегает, а другой, наоборот, представляется любящим мать и служит ей во всем, а об отцовских делах ничуть не заботится. Посему первый против всех стяжает победные награды, противоборствующий ему потерпит одновременно поражение и уничтожение, а из остальных один завладеет второй наградой, а другой третьей: второй наградой повинующийся отцу, а третьей – матери.

(36) Очевиднейшее отображение первого, который уступает мнению толпы и в соответствии с многообразными житейскими побуждениями принимает всевозможные обличья (наподобие Протея, у которого из-за того, что ему свойственно было становиться всякой вещью, какие только есть в мире, истинный вид оставался неизвестным), – это Иофор, творение гордыни, который лучше всего подходит городу и государству с пестрым и перемешанным населением, превозносящимся пустыми мнениями. (37) Ибо когда премудрый Моисей призывал весь народ души к благочестию и почитанию Бога и внушал им повеления и священнейшие законы, – ведь он говорит, что *«когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим, и объявляю им уставы Божию и законы Его»* (Исх. 18:16) – появляется мнимый мудрец Иофор, не посвященный в Божественные блага, зато весьма сведущий в человеческих и тленных, и убеждает народ, и предписывает законы, противные природе, исходя из видимости, в то время как [Моисеевы] исходили из сущего. (38) Однако [Моисей], смилостивившись и сжалившись даже над ним, счел нужным разубедить его в большом заблуждении и уговорить отступить от пустых мнений и твердо последовать истине. (39) Ведь сказано: *«Изъяв и отделив от разума пустую гордыню, мы переходим в место знания, которое получаем по Божественным вещаниям и обетованиям: иди с нами, мы сделаем тебе добро»* (Числ. 10:29). Ибо ты потеряешь вреднейшую видимость, а приобретешь полезнейшую истину». (40) Но даже выслушав такие увещания, он пренебрежет сказанным и никакому знанию никоим образом не последует, а уйдет и возвратится к собственной пустой гордыне – говорится ведь, что он сказал Моисею: *«Не пойду; я пойду в свою землю и на свою родину»* (Числ. 10:30), то есть к неверию, родственному мнящим ложное, потому что не узнал веру, любимую правдивыми мужами.

(41) Ибо и когда он, желая произвести впечатление благочестивого, говорит: *«Ныне узнал я, что Господь велик паче всех богов»* (Исх. 18:11), он сам себя обвиняет в нечестии в глазах умеющих судить мужей. (42) Ведь они ответят ему: *«Ныне ты узнал, нечестивец, а раньше не ведал величия Предводителя мира? Значит, было нечто предшествующее Богу, с чем ты познакомился раньше? Разве потомки не узнают о доблестях родителей прежде, чем всех остальных? А Творец и Отец мира, стало быть, не есть его Зачинатель? Так что если ты утверждаешь, что ныне узнал Его, то и ныне не узнал, потому что не от начала возникновения. (43) И ты ничуть не менее обличаешься в притворстве, когда сравниваешь несравнимое и говоришь, что узнал величие Сущего паче всех богов (Исх. 18:11), – ведь если бы ты поистине знал сущее, то никого другого не принял бы за самовластного Бога. (44) Ибо как солнце, взойдя, скрывает звезды, сразу разлив свое сияние по нашим взорам, так и когда ду-*

шевное око озарят несмешанные, чистейшие и яснейшие лучи светоносного Бога, оно не может видеть ничего другого, потому что знание сущего, воссияв, озаряет все, так что затеняет даже то, что казалось самым блестящим само по себе. (45) Посему никто бы не допустил сравнение истинного Бога с лжеименными, если бы знал Его неложно, – но неведение об Одном породило мнение о многих, которых на самом деле нет, будто они существуют».

(46) Точно так же настроен всякий, кто отрекся от дел души, а восхищается телесными и внешними вещами, изукрашенными расцветками и обличьями для обмана легковерного ощущения. (47) Законодатель называет такого человека Лаваном, который, не видя истинных законов природы, ложно предписывает принятые у людей, говоря: «*В нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей*» (Быт. 29:26). (48) Ибо он считает нужным соблюдать временной порядок, требуя сначала приобщаться к более старым вещам, а потом уже к более новым. Подвижник же премудрости, зная, что есть и вневременные природы, стремится и к более новым раньше, и к более старым позже. С этим согласуется и порядок нравственного воспитания – ведь подвижникам сначала надо познакомиться с более новыми науками, чтобы потом они смогли уверенно пользоваться и более совершенными. (49) Поэтому и до сих пор любители добродетельного благородства (*καλοκαγαθίας*) достигают дверей старшей философии не прежде, чем познакомятся с младшими, грамматикой и геометрией и всем мусическим искусством общего образования, – ибо те всегда приводят к премудрости чисто и без обмана стремящихся к ней. (50) А Лаван ухищряется противодействовать, желая, чтобы мы взяли сначала старшую, не для того, чтобы прочно обладать ею, но чтобы потом, зачарованные любовью к младшей, мы ослабили свое влечение.

(51) И именно это случилось со многими из тех, кто пошел в своем образовании неверной дорогой. Ибо они, с самых, так сказать, пеленок придя к совершеннейшему занятию, философии, сочли, что неправильно было бы остаться непосвященными и в общие познания, и с опозданием рассудили наконец-то взяться за них. И затем, спустившись от большей и старшей к созерцанию меньших и младших, они состарились вместе с теми, так что уже не имели сил вернуться туда, откуда они отправились.

(52) Поэтому, я думаю, Лаван и говорит: «*Окончи неделю этой*» (Быт. 29:27), что равносильно: «Пусть благо души не будет у тебя нескончаемым, но пусть имеет предел и границу, чтобы ты познакомился и с младшим чином благ, которые выпали в удел телесной красоте, и славе, и богатству, и тому подобным». (53) А тот не обещает окончить, но соглашается «исполнить» (Быт. 29:28) ее, то есть никогда не переставать заниматься тем, что увеличивает и дополняет ее, и всегда и везде держаться за нее, даже если множество вещей будет отвлекать и тянуть в другую сторону. (54) И мне кажется, он очень ясно показал, что обычаям более привержены женщины, чем мужчины, через слова Рахили, восхищающейся только чувственными вещами. Ибо она сказала своему отцу: «*Да не прогневается господин мой, что я не могу встать перед тобою, ибо у меня обыкновенное женское*» (Быт. 31:35). (55) Итак, повиноваться обычаям свойственно женщинам – ведь и действительно, обычай есть дело более слабой и женственной души, потому что природа принадлежит мужам, и следовать природе – свойство крепкого и поистине мужественного помысла. (56) И меня поражает искренность души, которая в своих речах признается, что не может отойти от видимых благ, но каждым из них восторгается и почитает его, и едва ли не предпочитает самой себе. (57) Ибо кто из нас противостоит богатству? Кто борется со славой? А кто из еще погруженных в пустые мнения презрел почести или должность? Вообще ни один. (58) Но пока ничего из этого нет, мы говорим возвышенно, как друзья довольствия малым, которое делает жизнь совершенно самодостаточной и справедливейшей, какая подобает свободным и благородным людям. Но едва [появится] надежда на что-то из перечисленного или даже только повеет малое дуновение надежды, мы бываем разоблачены – ибо, уступая ей, мы сразу сдаемся и не можем перечить и сопротивляться и, преданные друзьями-ощущениями, оставляем все

союзничество души и уже не тайно, но открыто перебегаем к врагу. (59) И это, наверное, естественно – ведь нами еще владеют обычаи женщин, поскольку мы не смогли еще очиститься от них и переселиться к мужскому очагу, как рассказывается о любящем добродетель разуме по имени Сарра. (60) Ибо вещания представляют ее «прекратившей все женское» (ср. Быт. 18:11), когда ей предстояло рожать и произвести на свет самонаученный род, именуемый Исааком. (61) Говорится также, что она не имела матери, унаследовав родство только с отцовской стороны, но не с материнской, непричастная к женскому роду. Ведь некто сказал где-то: «*Да она и подлинно сестра мне по отцу, но не по матери*» (Быт. 20:12). Ибо не по чувственнопостигаемому веществу, всегда образующемуся и распадающемуся, которое те из поэтов, у кого впервые пророс побег философии, назвали матерью, нянькой и кормилицей⁴, – но по Причине и Отцу всего. (62) Посему она, вознесшись над всем телесным миром и проникнутая радостью в Боге, сочтет смешными все людские заботы о делах войны или мира.

(63) Мы же, еще одолеваемые немужественной и женской привычкой, занятой ощущениями, страстями и чувственными вещами, не можем отойти ни от чего из видимого, но увлекаемся всем, даже первым попавшимся, одни против воли, а другие и добровольно. (64) И если наша рать, неспособная исполнять отцовские приказания, будет пленена, ее союзницей тем не менее останется мать, среднее образование (*παίδειαν μέστην*), которое предписывает по городам узаконения и то, что кажется справедливым, и разным людям дает разные законы.

(65) Но есть и такие, кто, презрев материнское, всеми силами держится за отцовское, которых правое слово удостоило высшей чести – священства. И если мы изложим их деяния, за которые они снискали этот почетный дар, мы, вероятно, навлечем на себя насмешки толпы, обманутой поверхностными представлениями и не постигающей невидимые и скрытые силы. (66) Ибо молитвы и жертвы, и все священнодействие в храме вручено, что самое удивительное, мужеубийцам, братоубийцам, истребившим ближайших и любимейших людей, – и это те, которых должно было бы составлять чистыми из чистых, не тронутыми никакой скверной, не то что вольной, но даже невольной. (67) Ибо сказано: «*Убивайте каждый брата своего, каждый соседа своего, каждый ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея; и пало в тот день из народа около трех тысяч человек*» (Исх. 32:27–28). И перебивших такое множество он хвалит, говоря: «*Сегодня вы наполнили руки свои для Господа, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошет Он вам благословение*» (Исх. 32:29). (68) Что же сказать, кроме того, что такие люди обличаются общими людскими обычаями, имея обвинителем мать-привычку, заправляющую государством и народом, но оправдываются [законами] природы с помощью правого слова, Отца?

(69) Ибо священники и не людей убивают, как кое-кто думает, [то есть] разумные существа, состоящие из тела и души, но отсекают от своего разума свойственное и любезное плоти, считая, что тем, кто собирается быть слугами единственного Премудрого, подобает стать чужими всему, что имело возникновение, и обращаться со всем этим как с врагом и ярым недоброжелателем. (70) Поэтому мы убьем *брата*, не человека, но брата души – тело, то есть отделим от любящего добродетель и божественного любострастное и смертное. Убьем и *соседа*, опять-таки, не человека, но сонм и сборище ощущений – ибо он одновременно и сосед, и недоброжелатель души, раставляющий ей силки и приманки, чтобы она, затопленная наплывом чувственных вещей, никогда не воспрянула к небу и не приветствовала умопостигаемые и боговидные природы. Убьем и *ближнего* – а ближе всего к разуму произносительное слово (*ὁ κατὰ προφορὰν λόγος*), через вероятное, логичное и правдоподобное внушившее [ему] ложные мнения на погибель наилучшего достояния, истины. (71) Так почему нам не защититься и от этого мерзкого софиста, приговорив его к подобающей ему смерти, безмолвию – ибо безмолвие есть смерть слова, – чтобы ум больше не от-

⁴ Ср. *Plat. Tim.* 51a, 49a, 52d.

влекался его софизмами, но мог бы, совершенно избавившись от наслаждений «брата»-тела, от чар «соседствующих» и рядом живущих ощущений и от софизмов «ближнего» слова и оставшись свободным и вольным, чисто обращаться ко всему умопостигаемому?

(72) Это он *говорит отцу и матери*, смертным родителям: «Я не видел вас» (Втор. 33:9), с тех пор как узрел божественное, – тот, кто *сыновей своих не знает* (Втор. 33:9), с тех пор как стал знакомцем Премудрости, кто *братьев своих не признает* (Втор. 33:9), с тех пор как не был отвергнут Богом, но удостоился совершенного спасения. (73) Это он взял *копье* (Числ. 25:7), то есть выследил и отыскал дела тленного возникновения, чье благополучие заключено в пище и питье, и, как говорит Моисей, *вошел в печь* (Числ. 25:7), то есть в пылающую и горящую преизбытком беззаконий и никогда не могущую угаснуть человеческую жизнь, а затем сумел и *женщину пронзить в чрево ее* (Числ. 25:7), потому что она представлялась причиной рождения, на самом деле скорее претерпевая, чем творя, – и всякого «человека» и помысел, последовавший за этим мнением, которое приписывает страдательным сущностям то, что принадлежит только Причине возникающего. (74) Разве не сочтет толпа и его человекоубийцей, уличая женственными обычаями? Но у Бога и Всепредводителя он удостоится множества похвал, и величаний, и неотъемлемых наград – а награды велики и родственны друг другу: мир и священство. (75) Ибо великое и славное деяние – утвердить мир, сумев прекратить трудноодолимую войну в жизни, о которой печется большинство людей, и междоусобную распрю вожделий в душе. И удивительное и завидное дело – не удостоив истинного служения и высшей чести что-то иное, ни богатство, ни славу, ни почести, ни должности, ни красоту, ни силу, ни телесные преимущества, ни землю, ни небо, ни весь мир, но лишь Первейшую из причин, получить чин священства. (76) Награды же я назвал родственными друг другу не напрасно, но зная, что и настоящим священником не мог бы стать тот, кто еще участвует в человеческой и смертной войне, в которой распоряжаются пустые мнения, и мирным человеком – тот, кто не служит нележно и просто Единственному непричастному войне и пребывающему в вечном мире.

(77) Таковы те, кто почитает отца и его дела, а о матери и ее делах заботится меньше всего. А враждующее с обоими родителями он показывает, представляя его говорящим: «Я не знаю Господа и Израиля не отпущу» (Исх. 5:2). Ибо тот, похуже, противясь и тому, чем правое слово направляет к Богу, и тому, чем образование направляет к возникшему, перемешивает все со всем. (78) И сейчас еще есть – ведь человеческий род еще не очистился от беспримесного порока – те, кто не желает просто вообще ничего делать ни ради благочестия, ни ради общности, но наоборот, дружит с нечестием и безбожием, а себе подобным неверен. (79) И эти люди, худшая напасть для городов, ходят кругом, по своей суетливости управляя частными и общественными делами, а вернее, если сказать по правде, расстраивая их. Надо было бы отвращать их, словно великую болезнь, голод, или чуму, или какое-то другое насланное Богом бедствие, молитвами и жертвоприношениями – ибо это великие разрушители для тех, кому они попадутся. Поэтому и Моисей воспевает их погибель, уловленных собственными союзниками и утонувших, будто в волнах, в собственных мнениях.

(80) Итак, теперь поговорим и о тех, кто с такими людьми враждует, образование же и правое слово ценит, по отношению к которым придерживающиеся одного из родителей суть половинчатые в добродетели последователи. Вот они-то – и наилучшие блюстители законов, положенных отцом, правым словом, и верные хранители обычаев, которые ввело образование, их мать. (81) Научились же они от отца, правого слова, почитать Отца всего, а от образования, матери, – не пренебрегать и общепринятыми законами по положению. (82) Поэтому когда Иаков, подвижник и борец в состязаниях добродетели, собирался обменять слух на зрение, слова на дела и продвижение на совершенство, а любодаровитый Бог пожелал раскрыть глаза его разума, чтобы он воочию видел то, что раньше воспринимал на слух – ведь зрение

вернее слуха, – прозвучало вещание: «Имя тебе будет не Иаков, а Израиль, потому что ты был силен с Богом, и на человекa мощен» (Быт. 32:28). Итак, Иаков есть имя учения и продвижения, сил, связанных со слухом, а Израиль – совершенства, ибо это имя означает «видение Бога». (83) Но что может быть совершеннее среди [плодов] добродетелей, чем видеть истинное сущее? Узревший же это благо пользуется у обоих родителей доброй славой, обретя силу ἰσχύς у Бога, а мощь (δύναμις) у людей. (84) Мне кажется, хорошо сказано и в Притчах: «Да приобретет доброе перед Богом и людьми» (Прит. 3:4), потому что совершенное стяжание добродетели происходит и через то, и через другое. Ибо научившись соблюдать отцовские законы и не отвергать материнские установления, ты осмелишься сказать с гордостью: «Ибо и я был сын, послушный Отцу и любимый пред лицом матери» (Прит. 4:3). «А как же тебя не полюбили бы, – сказал бы я ему, – если ты соблюдал и законоположения, принятые у возникших, ради влечения к общности, и установления Невозникшего из-за любви и ревности к благочестию?».

(85) Вот и Божий глашатай Моисей покажет совершенство в обоих видах через устроение святилищ храма – ибо он не напрасно обкладывает ковчег золотом внутри и снаружи, и дает первосвященнику двойные одежды, и устраивает два алтаря, один снаружи для жертвенных животных, а другой внутри для каждения, но хочет в этих символах представить добродетели и того, и другого вида. (86) Ибо мудрец и внутри, в незримых делах души, и во внешних проявлениях должен украшаться разумением, которое дороже всякого золота, и, когда удаляется от людских забот, служа лишь Сущему, [он должен] облачиться в неиспещренную одежду истины, к которой не прикасается ничто смертное, – ибо она сделана из льняного материала, который получается не из того, чему свойственно умирать⁵, – а когда переходит к гражданским делам, отложить внутреннюю и взять другую, изукрашенную и дивную на вид, потому что жизнь, будучи многообразна, нуждается в направляющем кормчем, обладающим многоликой премудростью. (87) На видимом алтаре, то есть в жизни, он будет казаться весьма озабоченным шкурами и мясом, и кровью, и всем, что относится к телу, чтобы не стать ненавистным множеству людей, считающих благом телесные вещи, удостоенные второго места после душевных. На внутреннем же у него все будет лишь бескровное, бесплотное, бестелесное, мысленное, что уподоблено ладану и каждениям – ибо как те исполняют благоуханием ноздри, так и это – весь душевный сонм. (88) Следует, однако, знать и то, что премудрость, будучи искусством искусств, кажется изменчивой в разных материалах, а истинный свой вид являет неизменным для людей зорких и не отвлекающихся на окутывающее сущность бремя, но видящих запечатленный на ней самим искусством образ. (89) Говорят, что ваятель Фидий, взяв медь, и слоновую кость, и золото, и разные другие материалы, делал статуи и в каждой из них запечатлевал одно и то же искусство, чтобы не только знатоки, но и совсем несведущие узнавали создателя по произведениям. (90) Ибо как в близнецах природа часто, воспользовавшись одними и теми же чертами, создает почти неотличимое подобие, таким же образом и совершенное искусство, будучи подражанием и отображением природы, когда берет различные материалы, образует и запечатлевает в них во всех один облик, и именно поэтому его создания становятся словно родственники, братья и близнецы. (91) Посему точно так же будет проявлять себя и сила, которая в мудреце: ибо когда она занимается Сущим, она называется благочестием и святостью: когда небом и тем, что на нем – естествословием; когда воздухом и теми явлениями, которым свойственно происходить при его изменениях и превращениях, по целым временам года или по отдельным помесечным или подневному промежуткам, – метеорологией; этикой же – когда [она занимается] тем, что относится к исправлению человеческих нравов, разновидности которой суть политика, [ведающая] гражданскими делами, экономика – домашним хозяйством, симпотика – пирами и угощениями, а также царская наука о начальстве над людьми и законоведение, [веда-

⁵ Т.е. не из животного сырья.

ющее] предписаниями и запретами. (92) Ибо все это вместил поистине многославный и многоименный мудрец, благочестие, святость, естествословие, метеорологию, нравственное воспитание, политику, экономику, царскую науку, законоведение и множество иных способностей, и во всех он окажется имеющим один и тот же облик.

(93) Обсудив четыре чина отпрысков, не оставим без внимания и то, что послужило бы очевиднейшим удостоверением различения и разделения основных видов. Ведь родители превознесшегося и возгордившегося от неразумия сына обвинили его таким образом: «*Сей сын наш*» (Втор. 21:20), показывая на ослушника и строптивца. (94) Указанием «сей» они дают понять, что родили и других, послушных или одному из них, или обоим: благородные помыслы, пример которых – Рувим; еще любителей слушать и учиться, к которым принадлежит Симеон (потому что это в переводе «слух»); прибегающих к Богу и молящих Его (это собрание левитов); поющих благодарственный гимн, скорее разумом, чем громким голосом (их предводитель Иуда); удостоенных воздаяний и даров за добровольное стяжание добродетели в трудах, как Иссахар; переселившихся из халдейского метеорологического умозрения⁶ в размышления о Невозвращаемом, как Авраам; обретших самоуслышанную (αὐτήκουον) и самонаученную добродетель, как Исаак; полных храбрости и силы, друзей Божиих, как совершеннейший Моисей.

(95) Поэтому естественно, что священное слово полагает справедливым побить камнями непослушного и буйного, приносящего взносы, то есть складывающего и присовокупляющего грехи к грехам, большие к малым, новые к старым, вольные к невольным, который, словно сжигаемый вином, пьянствует и буянит в непрекращающемся и неудержимом пьянстве всей жизни из-за того, что влил в себя много несмешанного питья неразумия. Ибо он отбросил и предписания правого слова, отца, и наставления в законах от матери-образования, и, имея образцом добродетельного благородства братьев, одобряемых родителями, не стал подражать их добродетели, но, напротив, решил идти поперек, так что обожествил тело и обожествил особо почитаемую у египтян гордыню, символ которой – изготовление золотого тельца. Вода вокруг него хороводы, поврежденные умом поют и запевают, не приятнейшую застольную и разудалую мелодию, как на празднествах и плясках, но словно над умершими истинный плач по самим себе, будто обезумевшие от вина и расслабившие и истощившие душевные силы. (96) Ибо сказано, что «*услышал Иисус голос народа шумящего и сказал Моисею: “Военный крик в стане”*. И [Моисей] сказал: “*Это не крик побеждающих и не вопль поражаемых; я слышу голос поющих*”. И когда приблизился к стану, увидел тельца и пляски» (Исх. 32:17–19). Что здесь имеется в виду, мы разъясним, насколько сможем.

(97) Наше [существо] иногда покоится, а иногда предается как бы порывам и неуместным выкрикам, и спокойствие их есть глубокий мир, а противоположное состояние – непримиримая война. И самый правдивый свидетель тому – сам пострадавший. (98) Ибо услышав голос кричащего народа, он говорит размышляющему и наблюдающему за происходящим: «*Военный крик в стане*» (Исх. 32:17). Ведь пока неразумные порывы не двигались в нас и не кричали, ум был утверждён прочнее, а когда они начали делать обиталище души многоголосым и многозвучным, созывая и пробуждая страсти, они породили междоусобную распрю. (99) Война в стане, разумеется, ведь где еще есть раздоры, битвы, ссоры, все дела неудержимой войны, если не в жизни с телом, которую он иносказательно называет станом? Эту жизнь обычно оставляет ум, когда, ожившись, он достигает Самого Сушего, созерцая бестелесные идеи. (100) Сказано ведь: «*Моисей же взял и поставил себе шатер вне стана*» (Исх. 33:7), и не поблизости, а на большом расстоянии и *вдали от стана* (Исх. 33:7). Этим он намекает, что мудрец есть переселенец и странник из войны в мир и из смертного и перемешанного лагеря в невоинственную и мирную божественную жизнь разумных и счастливых душ.

(Продолжение следует)

⁶ Имеется в виду астрология.